КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

КРУШЕНІЕ

Въ разсказѣ извощика, подъ дикимъ заглавіемъ: «Двухъ–аршинный носъ», — тѣмъ болѣе дикимъ, что рѣчь идетъ не о слоновьемъ хоботѣ, а о носѣ человѣчьемъ, — упомянуто было о крестьянинѣ, брательникѣ извощика, отданномъ въ солдаты, какъ выражался одинъ знаменитый приказный, писарь становаго, за испоротіе верхней одежды на прикащикѣ N. вилами и за перекинутіе онаго черезъ плетень. Разскажемъ же вкратцѣ событіе это и окончательную судьбу человѣка, повоевавшаго на конопляникѣ своемъ вилами.

Въ селеніи Рогожицахъ случился пожаръ, среди бѣлаго дня, но въ рабочую пору, когда на селѣ не было почти ни одного мужика. Бабы засуетились, стали по четыремъ угламъ горящей избы съ

иконами, молитвами и воемъ, между тѣмъ, какъ другія спасали самыя нужныя и дорогія вещи, какъ–то: рѣшето съ перьями, любимую хохлатушку, порожнюю люльку съ отрепьемъ, деревянный пестъ отъ огромной ступы, и проч., а скотъ, сохи, сундуки съ одеждой и деньги — погорѣли. Бабы оправдывались впослѣдствіи въ одинъ голосъ тѣмъ, что имъ–де не до того было. Онѣ, сердечныя, увидавъ бѣду эту, едва только успѣли подхватить животы да взвыть голосомъ; больше не успѣли онѣ сдѣлать ничего. Къ счастію, однако, баринъ съ дворовыми людьми набѣжалъ, и пожаръ остановили, хотя и погорѣло три избы.

При розыскахъ открылось, что виною этого пожара была хозяйка Потапа, которая, надѣясь на власть Господню, высыпала золу съ угольками подъ сухой плетень, гдѣ еще лежали и хворостъ и солома. Сколько ни отнѣкивалась Агафья моя, доказывая убѣдительно и краснорѣчиво, что бѣда эта ни отъ кого иного, какъ отъ Бога, и, притомъ, просто, наказаніе за грѣхи наши, но баринъ

разсуждалъ иначе, и, по принятому въ Рогожицахъ издавна правилу, Потапу съ Агафьей пришлось выселяться на край села и тамъ строиться, а пожарище свое оставить въ пользу другаго хозяина. Такое наказаніе налагалось каждый разъ, когда мужикъ или хозяйка его были виною пожара; имъ говорилось: «не умѣла песья нога на блюдѣ лежать — ступай подъ столъ; не умѣли вы съ людьми по людски жить — ступайте на край.» А жить съ краю, особенно селиться тамъ въ новой избѣ, это мужикъ считаетъ наказаніемъ, хоть бы только потому, что много городьбы и что далече отъ добрыхъ людей.

Потапъ, какъ парень молодой, вовсе не глупый и даже слишкомъ удалой, не очень тужилъ, впрочемъ, о судьбѣ своей и повиновался съ должною покорностью, потому что улика была на лицо и приговоръ справедливъ; но онъ отстаивалъ одно, мнимое, право свое: конопляникъ и дѣдовскія поля. О послѣднихъ и спору не было: они оставались по прежнему за нимъ, гдѣ бы изба его ни стояла; но конопляникъ,

который былъ на задахъ избы и составлялъ часть задворья, естественно долженъ былъ отойти во владѣніе того, кому отдано будетъ подъ избу пожарище. И вотъ это–то Потапъ не могъ или не хотѣлъ понять: онъ утверждалъ, что конопляникъ этотъ, какъ принадлежавшій не только отцу, даже дѣду его, составлялъ собственность его и никому не можетъ быть переданъ. Конопляникъ унавоживался и обрабатывался постоянно двадцать или тридцать лѣтъ семействомъ Потапа, которому не хотѣлось начинать работу эту снова на краю села, гдѣ по задворью пролегалъ какой–то кочкарникъ. На всѣ убѣжденія, что земля эта барская, Потапъ отвѣчалъ: «барскую землю всѣ мы знаемъ, гдѣ она, барскую землю мы барщиной и пашемъ; а это земля моя. Я и самъ барскій, его воля надо мной, въ томъ не стою, — да земля–то моя.»

Между тѣмъ, съ господскаго двора отдавали дѣвку замужъ, на село и, по милости барина, обзаводили ее всѣмъ хозяйствомъ: ей–то съ мужемъ назначено было строиться на мѣстѣ Потапа. Рубить

избу на пожарищѣ своемъ онъ не мѣшалъ, но конопляника не уступалъ. «Чѣмъ она служила у барина и что выслужила — говорилъ онъ — про то мы не знаемъ, да и не наше дѣло это: на милость образца нѣтъ; такъ пусть же приданое за нею идетъ изъ барской казны, — а своего добра я ей не отдамъ. Не для нея тутъ и дѣдъ и отецъ мой работали, да и я свое старанье приложилъ. У меня она ничего не выслужила, такъ моего и не тронь.» Слово за слово, Потапъ разгорячился, вышелъ изъ себя и поселился съ вилами на старомъ конопляникѣ своемъ, побожившись трижды, что всякому брюхо распоретъ, кто къ нему подступится. Напрасно Агафья стояла и плакала передъ нимъ, стараясь поймать его за руку и увести домой, на новое мѣсто; напрасно и старики уговаривали Потапа бросить дѣло это, доказывая, что плетью обуха не перешибешь. Потапъ согналъ побѣдоносно съ мѣста новаго хозяина, распоровъ ему, къ счастію, только чапанъ, и тѣшился сдуру тревогою по всему селу, стоя на

конопляникѣ своемъ, какъ пѣтухъ на навозной кучѣ.

Жалобы дошли тотчасъ же до барина, который послалъ прикащика, приказавъ ему ввести новыхъ владѣльцевъ во владѣніе пепелища, а въ случаѣ строптивости Потапа поступить съ нимъ, какъ съ безпокойнымъ человѣкомъ, т. е. связать его. Прикащикъ отправился и, какъ человѣкъ бойкій и бывалый, знавшій, какъ онъ самъ говорилъ, всякое должное обхожденіе, подошелъ прямо къ Потапу, закричалъ на него, выругалъ его и приказалъ итти домой; когда же все это осталось безъ успѣха, и Потапъ объявилъ, что не подойдетъ, а перекинетъ самого прикащика черезъ тынъ, то начальствовавшій подъ бариномъ оскорбился такими неприличными выходками и нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ дальнѣйшимъ мѣрамъ увѣщанія, что разскащикъ нашъ и выразилъ словами: «прикащикъ и подступилъ было къ нему, чтобы его, то есть, въ зубы....» но Потапъ отскочилъ и, по обѣщанію своему, принялъ противника своего на вилы, чтобы

пересадить его черезъ заборъ. На бѣду, увертливый прикащикъ долго не рѣшался на переправу эту и нѣсколько разъ срывался съ вилъ, почему синій сюртукъ его, запутавшись пополамъ въ тройчатки, подвергся значительнымъ поврежденіямъ; наконецъ, однако же, ловкость и настойчивость Потапа одержали побѣду: противникъ его взвился на вѣтеръ, какъ снопъ, и повалился на мягкую кучку черезъ плетень.

Когда прикащикъ прибѣжалъ въ такомъ видѣ къ барину, въ пострадавшемъ сюртукѣ, растрепаный, съ признаками той кучки, на которой онъ лежалъ, въ волосахъ и на платьѣ, то маркграфъ села Рогожицъ приказалъ бить сборъ и итти на приступъ брать потаповъ конопляникъ и тотчасъ же сдѣлалъ гласное распоряженіе объ отдачѣ своевольнаго коменданта, за оказанную имъ храбрость, въ солдаты. Такое отличіе, о которомъ тотчасъ же дали знать Потапу, польстило самолюбію его, и онъ, къ крайнему удивленію осаждающихъ, не выждавъ даже окончанія распоряженій

воеводы, хитраго городоимца, приступныхъ и подкопныхъ дѣлъ вымышленника, кинулъ вилы, махнулъ рукой и сдался безусловно военноплѣннымъ, произнеся замѣченныя нами въ разсказѣ извощика слова: «пойду охотой, самъ пойду, а не приступайте: какъ не промѣнять вилы на государево ружье!»

И пошелъ; но онъ попалъ не въ солдаты, а въ матросы. Прошло лѣтъ пять, и Потапъ, походивъ уже въ морѣ, сдѣлался лихимъ матросомъ. И вотъ, между тѣмъ, какъ новый хозяинъ давно уже обработывалъ дѣдовскій конопляникъ Потапа, этотъ тянулъ и отдавалъ кливеръ–шкотъ или леталъ бѣгомъ по вантамъ, на марсъ и салингъ.

Небольшой отрядъ мелкихъ судовъ, всего шесть, назначенъ былъ въ зимнее крейсерство къ абхазскимъ берегамъ. Туда дошли они хорошо и продержались тамъ почти до половины января благополучно; но зима была непомѣрно бурная и строгая, а при открытомъ положеніи восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ на всемъ протяженіи нѣтъ ни одной гавани, ни одного убѣжища

для судовъ, западные вѣтры разводили страшное волненіе, отъ Дуная и Варны до Анапы и Сухума, — волненіе, о которомъ никто, кромѣ очевидца, не можетъ составить себѣ понятія. Что можетъ сдѣлать щепка, хотя и одушевленная разумомъ опытнаго кормчаго, противъ этой силы разъяренныхъ и разрушительныхъ стихій? Вотъ короткое описаніе этого необычайнаго крушенія, при которомъ изъ шести судовъ, составлявшихъ отрядъ, спаслось только одно: четыре выкинуло на берегъ и разбило, а пятое погрузилось, обращенное въ ледяную гору…

Къ вечеру стало свѣжѣть, и въ то же время морозъ усиливался. По всему было замѣтно, что готовится что–то недоброе. Вскорѣ расходилась бора, извѣстный у береговъ этихъ ураганъ, отъ котораго нѣтъ спасенія. Всѣ суда стояли на мертвыхъ якоряхъ, на двухъ цѣпяхъ, и, кромѣ того, всѣ судовые якоря были также приготовлены, хотя, конечно, нельзя было надѣяться отстояться на своемъ якорѣ, коли не устоятъ цѣпи мертваго якоря; но,

готовясь въ утопленники, мы хватались и за соломенку. За полночь вѣтеръ все еще крѣпчалъ; при каждомъ подъемѣ и спускѣ съ волны, дергало и рвало суда съ такою силою и въ такихъ порывахъ, что, казалось, глухіе перекаты грома ходятъ по всѣмъ членамъ судна, которое грозило каждое мгновеніе разсыпаться въ щепы. День померкъ, налегла тьма, буря ревѣла, громадное волненіе вскидывало корму судовъ подъ крутымъ угломъ кверху, между тѣмъ, какъ, прикованный ко дну моря, носъ безпрерывно погружался въ море... Уже не было никакой возможности стоять или ходить по палубамъ иначе, какъ цѣпляясь всѣми силами за снасти и другіе предметы. Суда, которыя стояли не вдалекѣ одно отъ другаго, изрѣдка, и то мелькомъ, видѣли другъ друга. Вскорѣ настала ночь, а буря и морозъ все еще усиливались...

Тендеръ, небольшое одномачтовое судно, на которомъ бываетъ человѣкъ до 40 команды и 3–4 офицера, отстаивался, повидимому, нѣсколько лучше другихъ судовъ, потому что былъ меньше и легче;

но для него явилась другая опасность, неслыханная доселѣ въ исторіи мореплаванія, даже въ полярныхъ моряхъ: опасность превратиться, въ полномъ составѣ своемъ, съ людьми и всѣми принадлежностями, въ одну глыбу льда и, бывъ затопленнымъ въ этомъ видѣ, носиться пловучею могилой, заживо погребенныхъ, по волнамъ... и судьба эта надъ бѣднымъ тендеромъ исполнилась: сначала ледъ сталъ намерзать на бушпритѣ и снастяхъ его, и носъ началъ погружаться; громадное волненіе тѣмъ съ бо льшею легкостію окачивало вдоль всю палубу тендера, который стоялъ на якорѣ, а потому носомъ къ вѣтру, и вода, которая при 20° мороза уже вся почти обратилась въ мельчайшія ледяныя иглы, но не могла еще замерзнуть отъ безпрерывнаго движенія громадныхъ волнъ, — вода мгновенно замерзала, обращаясь въ ледяную глыбу, какъ только вскатывалась на судно... Заледенѣвшая команда выбилась изъ силъ, стараясь вырубать ледъ и очищать отъ него палубу. 40 человѣкъ не могли сдѣлать

ровно ничего, въ сравненіи съ тѣмъ, что каждое мгновеніе наполнялось и прибывало; люди начали коченѣть, ясно предвидя участь свою... Такимъ образомъ, ледъ наросталъ, затопляя тяжестью своею постепенно тендеръ; а чѣмъ болѣе кузовъ его погружался, тѣмъ удобнѣе верхнюю часть его окачивало волной, которая тутъ же примерзала, мгновенно застывая и обращаясь въ новый слой льду... Къ утру на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ тендеръ, качалась безобразная глыба, ледяной курганъ или могила, подъ которою погребена была вся команда съ офицерами, а на вершинкѣ ея водруженъ былъ крестъ: кончикъ мачты съ поперечнымъ реемъ... все остальное погребено было въ этой пловучей гробницѣ...

Пароходъ, который стоялъ на двухъ прочныхъ якоряхъ, казалось, могъ надѣяться на спасеніе болѣе, чѣмъ всѣ прочія суда: во первыхъ, командѣ было гдѣ отогрѣться, хотя поочередно, тогда какъ на парусныхъ судахъ въ такую погоду вовсе нельзя разводить огня; во вторыхъ, онъ

могъ дѣйствовать, въ помощь якоря, парами. Но и ему суждена была общая участь: нѣсколько времени держался онъ на двухъ якоряхъ и подо всѣми парами, сражаясь противъ волнъ и урагана; наконецъ всѣ усилія эти были побѣждены: его сорвало съ якорей, выкинуло на берегъ, какъ чурку, и разбило... Корветъ и транспортное судно уже лежали на боку; оставался одинъ бригъ.

Бригъ стоялъ также на двухъ цѣпяхъ, въ руку толщины, и свечера уже три якоря были изготовлены въ запасъ. Ночь хоть глазъ выколи; ураганъ и 20° мороза. Около двухъ часовъ ночи, при страшномъ порывѣ вѣтра, одна цѣпь съ глухимъ трескомъ лопнула, и бригъ простоналъ во всѣхъ членахъ своихъ. Тотчасъ же брошены были еще два якоря. Черезъ четверть часа лопнула другая цѣпь. Страшное ожиданіе исполнилось. Бросили третій якорь. Въ самое это время волной высадило носовой погонный портъ (*), и положеніе брига

(*) éÚ¸Â ÒÚ≠Â ¸˙ ÌÓÒÛ, ÔÓ Ó·¨ ÒÚÓ ÓÌ°¸ ‰ÎflÒÚ ¨Î¸·°¸ Ô Ë ÔÓ„ÓÌ¨ Á‡ ·¨„Û˘ËÏ˙ ÌÂÔ ≠flÚÁÎ¸ÒÍËÏ˙ ÒÛ‰ÌÓÏ˙; ¸Ò¨ ÔÓ Ú° ¸˙ ·Û¸ ÔÎÓÚÌÔ Á‡‰¨Î°¸‡¸ ÚÒflÍ.

сдѣлалось ужаснымъ: каждый набѣгавшій валъ вливался въ бригъ, расплывался по всей внутренности его и тотчасъ же застывалъ, обращаясь въ ледъ... вода не успѣвала стекать, несмотря ни на какое стараніе команды, волна замерзала не добѣжавъ даже всего пространства отъ носа до кормы... Носовая часть брига начинала замѣтно погружаться, отъ тяжести нароставшаго на ней льда... Въ 4 часа ночи бригъ потащило съ трехъ якорей. Ураганъ и морозъ все еще усиливались. Черезъ нѣсколько минутъ, бригъ такъ ударило кормой о материкъ, что съ перваго разу выбило руль; затѣмъ поворотило его нѣсколько бокомъ, вдоль берега, и пошло жестоко колотить килемъ, ударъ за ударомъ... Каждое мгновеніе надобно было ожидать, либо что бригъ разсыплется въ щепы, либо что его положитъ на бокъ къ вѣтру и зальетъ. Обрубили канаты, чтобы выкинуло ближе къ берегу. Это сдѣлано было такъ ловко и удачно, что бригъ повалило подъ вѣтеръ, положило довольно плотно, налило водой, и волны пошли

ходить черезъ него, какъ черезъ прибрежный камень. Палуба была такъ круто наклонена, что едва только была возможность удержаться лежа подъ навѣтреннымъ бортомъ, прицѣпившись къ чему нибудь руками и ногами; между тѣмъ, каждая волна покрывала всѣхъ, и вскорѣ вся команда примерзла къ палубѣ, бортамъ и снастямъ. Многіе начали коченѣть и засыпать. Командиръ и офицеры пробирались ползкомъ черезъ людей, то туда, то сюда, стараясь поддержать въ нихъ бодрость, хотя надежды на спасеніе не было, и уговаривали всякаго шевелиться, ползать или вертѣться на мѣстѣ, чтобы не уснуть и не замерзнуть. Ни одинъ человѣкъ, во все страшное время это, не слышалъ ни одной жалобы, ни одного упрека... любопытно видѣть человѣка въ этомъ положеніи... многіе молча крѣпились, другіе помолились, среди тревоги и видимой гибели этой, и, успокоившись, ждали участи своей; иные наказывали товарищамъ, на случай, если кто изъ нихъ спасется, послѣднюю волю и завѣщаніе свое; третьи

покрикивали другъ на друга: «не робѣй, ребята, ничего, Богъ милостивъ: авось вотъ стихнетъ; скоро свѣтъ; а пропадать, такъ пропадать. Извѣстно, матросу въ морѣ умирать, а не въ полѣ.» — Полушубки и надѣтые сверхъ ихъ парусинники смерзлись коломъ; но вода не совсѣмъ легко проникала насквозь, именно потому, что она, такъ сказать, была такъ густа, что застывала въ ледъ на самой поверхности одежды и намерзала толстыми слоями. Вдругъ раздался общій крикъ ура, будто по командѣ: брикъ ударило такъ сильно о каменное дно, что гротъ–мачта съ ужаснымъ трескомъ переломилась и стала покачиваться направо и налѣво, угрожая погрести подъ собой цѣлую половину команды. Понимая безпомощное положеніе свое, люди спокойно пролежали въ эти роковыя мгновенія на своихъ мѣстахъ, не суетились, не бросались попусту туда и сюда, а отвели только душу свою троекратнымъ ура!... Мачта грохнулась въ море, подъ вѣтеръ, и никого не задѣла.

Уже было десять часовъ утра, а несчастный бригъ оставался все въ томъ же положеніи; наконецъ начало нѣсколько прочищаться, — а дотолѣ и самый день былъ почти не свѣтлѣе ночи. Только теперь увидѣли, къ радости своей, что берегъ былъ въ тридцати саженяхъ. Это менѣе ста шаговъ — рукой подать! Но какъ туда попасть? Пять человѣкъ отчаянныхъ матросовъ вызвались попытаться счастья: обрубили висѣвшую съ боку шлюпку, молодцы сѣли, при общихъ благословеніяхъ, удачно отпехнулись и начали бороться съ прибоемъ, ураганомъ и водоворотомъ, который образовался между бригомъ и приглубымъ берегомъ, отъ страшнаго волненія; оно цѣлыми горными кряжами напирало отъ запада, не давая водѣ стекать и установиться въ равновѣсіи.... Саженяхъ въ десяти шлюпка исчезла; черезъ минуту она едва только мелькнула въ глазахъ томимой страхомъ и ожиданіемъ команды. Но зоркіе моряки поглядѣли другъ на друга молча, перекрестились и прилегли опять по своимъ

мѣстамъ. Шлюпку несло къ берегу вверхъ килемъ, а пяти человѣкамъ и помину не было.

Пришелъ полдень. Положеніе бѣдствующихъ сдѣлалось невыносимымъ: многіе лежали съ отмороженными руками и ногами, даже о пищѣ не могло быть и рѣчи, весь бригъ налитъ былъ водой. Вызвались еще три человѣка, вырубили топорами двойку изъ ледяной горы, въ которой она замерзла на рострахъ, спустили ее за бортъ и три матроса вскочили на орѣховую скорлупку эту, взявъ съ собою конецъ лотъ–линя, тонкой веревочки... Въ нѣсколько ударовъ волны выкинули козявку эту покатомъ на берегъ, и три человѣка бодро вскочили на ноги. Продолжительное ура привѣтствовало удальцовъ за эту удачу, которой вся команда обязана спасеніемъ. На бригъ привязали къ лотъ–линю перъ–линь, толстую надежную веревку; изъ ближней крѣпости нашей люди подоспѣли на помощь, перъ–линь укрѣпили на берегу, вытянули, и вся команда, офицеры, а

наконецъ и капитанъ, перебрались по этому цѣпному мосту на берегъ, ни въ бродъ, ни въ плавь, а по горло въ водѣ, при 20 мороза. Безъ помощи этой веревки не было никакого спасенія, потому что всякій неминуемо былъ бы разбитъ волненіемъ о камни. Всѣхъ спасенныхъ отнесли въ ближайшее укрѣпленіе. Говорятъ, что всѣ остались живы, но многіе безъ рукъ или безъ ногъ.

— Что, братъ, сказалъ одинъ изъ матросовъ, выписавшійся черезъ нѣсколько дней здоровымъ изъ больницы и пришедшій навѣстить своего товарища: — что лекарь говоритъ?

— Да слава Богу, отвѣчалъ тотъ: — вотъ ужь намъ сказали, что ноги рѣзать не надо — дастъ Богъ, заживетъ. Вѣдь она, братецъ ты мой, у меня вся отошла: вотъ только самую лапу, отъ подъема до перстовъ, крѣпко прихватило, видно: и кожа и мясо, все отвалилось; да теперь, благодаря Бога, ничего....

— Надо, братецъ поставить намъ съ тобою Николаю Чудотворцу свѣчу, какъ

дастъ Богъ живы–здоровы воротимся — и тѣхъ, сердешныхъ, помянемъ; а за Потапа я отслужу панихиду.... Эхъ, парень хорошій былъ!

— Да, продолжалъ больной: — нечего сказать, что жаль: ужь и Серегу жаль, и Горлаева Степана, и всѣхъ, то есть, жаль; ну, а ужь супротивъ земляка твоего нѣтъ у насъ никого: такой, то есть, Потапъ былъ матросъ, что и въ воду и въ огонь... вѣдь онъ первый и вызвался, онъ подлѣ меня лежалъ, у самаго кнехта: какъ только сталъ вызывать капитанъ, такъ первый и вскочилъ, насилу отодралъ отъ палубы парусинникъ свой, весь примерзъ; да и мы–то съ нимъ насилу развелись: смерзлись вмѣстѣ. А смерть легкая имъ была, въ одинъ ковырокъ разомъ всѣхъ пятерыхъ накрыло. Надо помянуть ихъ, и за Потапа надо отслужить панихиду.... Твоя гривна будетъ, что ли?

— Будетъ, отвѣчалъ тотъ: — клади моихъ три пятака, коли дастъ Богъ живъ буду. За Потапа не жаль!

В.ДАЛЬ